

ИСТОРИЯ МЕДИАЦИИ

Петр Зуйков,
Алексей Иванов¹

КОНФЛИКТЫ НА КАВКАЗЕ И РЕАКЦИЯ НА НИХ. КРОВНАЯ МЕСТЬ

Аннотация. Исследование направлено на изучение методов примирения при конфликте в традициях народов Северного Кавказа и Закавказья. В процессе исследования должны быть установлены основные формы поведения, ожидаемые от участников конфликта, и наиболее важные действия, предпринимаемые сторонами для прекращения активной фазы конфликта и дальнейшего достижения примирения. Во второй статье мы излагаем собранные нами данные о природе конфликтов на Кавказе и о методах примирения, существующих в традициях кавказских народов.

Ключевые слова: конфликт; Северный Кавказ и Закавказье; модели поведения; медиация, примирение.

Pyotr Zuykov,
Alexey Ivanov

THE CONFLICTS IN THE CAUCASUS AND REACTION TO THEM. BLOOD FEUD

Abstract. The research is focused on methods and approaches of reconciliation in the North Caucasus and Trans Caucasus' cultures. In the course of investigations the main patterns of behavior and the major actions of parties to conflict should be detected, described and explained. In the second paper considering this issue we expose the collected data about conflicts in the Caucasus region and about traditional methods of reconciliation.

Keywords: disputes, North Caucasus, Trans Caucasus, patterns of behavior, mediation, reconciliation.

---

¹ © П.М. Зуйков, А.В. Иванов, 2018.

Введение

Мы продолжаем публикацию данных, собранных за время исследования стратегий примирения на Кавказе и в обычаях тех кавказцев, которые в настоящее время проживают в г. Москве; несмотря на то, что большая часть респондентов, отвечавших на вопросы во время исследования, родилась и выросла в условиях большого города и в окружении славянского большинства, традиционные способы разрешения многих жизненных коллизий сохранилось в их реальности такими, как их создала традиционная культура.

В настоящее время практически в каждом городе России существуют различные «диаспоры» кавказцев, часто живущие по своим собственным правилам, порой радикально отличающимся от местных обычаев, что приводит к конфликтам и, в свою очередь, к их урегулированию, мирно или нет. Нужно отметить, что «в настоящее время в юридической науке нет единой общепризнанной теории сравнительного анализа традиционных и современных систем права» [Рулан 1999: 231]. Нам придется до некоторой степени изобретать велосипед, сравнивая институты, возникшие в разных условиях, хотя и служащие одним и тем же целям.

Как и прежде, целью нашего исследования было сравнить традиционные методы примирения в культурах Северного Кавказа² и более «научные» методы, используемые в настоящее время юристами и медиаторами. Исходя из предположения, или даже гипотезы, что лишь процесс медиации способен обнаружить решение проблемы, устраивающий обе стороны, мы попробовали обнаружить механизмы, существующие и в традиционных культурах, и в медиации. Этому вопросу будет посвящена заключительная статья настоящего исследования, сейчас мы лишь планируем рассмотреть конфликты, описанные этнографами прошлого и нашими информантами, а также описать формы прекращения конфликтов, как в традиции, так и в случае применения медиативного подхода.

Источники конфликтов

Как уже было сказано, Северный Кавказ – один из самых конфликтных регионов если не всего мира, то нашей уж нашей страны, безусловно. Составители «Атласа этнополитической истории Кавказа» так описывают причины возрастания конфликтного потенциала кавказских республик в постсоветский период: «Решающее ослабление в 1980-е годы мотивационной мощи советской идеологии, с ее объединяющей апелляцией к надэтническим мифам и ценностям, все явственнее оставляет этническую проблематику в фокусе массовых политических дискуссий на кавказской периферии СССР. «Национальная идея» становится здесь доминирующим принципом в построении картин будущего, в определении социальных угроз и соответствующих коллективных контрагентов. В 1987–89 гг. разворачиваются первые публичные компании, проходят национальные съезды, на которых эти угрозы определяются по своим иноэтническим адресатам. По этническо-

---

² Нужно отметить, что если нам встречался информант из республик Закавказья, то вопросы задавались и ему, но таких респондентов меньшинство.

му признаку возникают общественно-политические объединения. В этничности же обнаруживаются легитимные основания для исключительных претензий на утверждение контроля над властными рычагами грядущего перераспределения собственности. Происходит реанимация комплекса исторических мифов, «травм» и взаимных претензий. Целые категории населения оказываются в режиме «неформально предъявленных обвинений» коллективной ответственности (в злодеяниях царизма, сталинизма и т.д.). Этнополитические дискуссии на фоне нарастающего кризиса советского государства и его экономики способствовали развитию этнофобий, росту насилия в отношении «иноэтнического населения» — насилия сначала символического и бытового, а затем — в нескольких очагах социально-политической напряженности — практического и массово-организованного» [Цуциев 2006: 100]. Похожие причины называют и ряд других авторов: так, В.А. Тишков пишет, что именно советская национальная политика заложила основы конфликтного потенциала, а распад СССР высвободил его. Несмотря на декларирование новой надэтнической общности под названием «советский народ», территориально-административное деление в СССР проводилось по этническому признаку и, наряду с произвольным делением этнических сообществ на «нации» и «народности», привело к ряду кровопролитных войн и конфликтов.

Демографические факторы в определении уровня конфликтности на Северном Кавказе занимают чрезвычайно важное место. Северный Кавказ сегодня переживает «тот период в истории любой страны, когда смертность уже снизилась, а рождаемость еще не упала. Этот период создает наиболее существенный конфликтный потенциал за счет демографических факторов» [Стародубровская, Соколов 2015: 16]; иными словами, этот регион находится в первой фазе демографического перехода. Однако темпы воспроизводства населения, как показывают данные демографов и полевых исследователей, варьируются от одной этнической группы к другой, от одной территории к другой [там же: 22]. При недостаточных темпах экономического развития и социальных сдвигах (модернизация, урбанизация) незавершенность демографического перехода может приводить к усилению конкуренции за ресурсы и, как следствие, к повышению уровня агрессии в обществе. Есть еще и количественный фактор: сообщества, в которых демографический переход завершен, менее конфликтны, те же общества, где молодежь — это легко восполняемый ресурс, могут позволить себе большую степень конфликтности, не опасаясь за физическое выживание. Эти соображения подтверждаются и тем, что в боевики зачастую идет молодежь из многодетных семей [там же: 23].

Помимо рождаемости, важным фактором являются миграции населения. Можно выделить три основных типа миграций: с гор на равнину, из села в город (урбанизация) и в другие регионы России. Конфликтный потенциал миграции с гор на равнину связан с тем, что на один и тот же ресурс, в первую очередь земельный, начинают претендовать различные сообщества — «коренные» и «пришлые». Поощрение советской властью переселенцев с гор на равнину, создания для них благоприятных условий и системы преференций — все это вызывало недовольство равнинных народов [там же: 26].

Миграции за пределы Северного Кавказа имеют три основных направления: северные территории, где ведется нефтедобыча; южные сельскохозяйственные территории за пределами национальных республик и крупные российские города (преимущественно Москва и Санкт-Петербург). Именно этому последнему типу миграций и посвящено наше исследование; точнее, основными нашими источниками стали мигранты в больших городах.

Итак, как мы видим, сам северокавказский регион конфликтен, и причины конфликтов разнообразны, а население его подвижно. Чтобы окончательно устранить причины, приводящие к ссорам на пустом месте, нужно время и ресурсы, которых, как обычно, не хватает, и, таким образом, проблематика регулирования социальных конфликтов актуальна для Кавказа как никогда. Также, де-факто элементы исламских и доисламских правовых установлений интегрированы в представлении «кавказцев» в состав обычного права, и в этой связи любопытно отметить, как В.О. Бобровников описывает «возрождение» адатов в постсоветской Абхазии, приходя к выводу, что адаты конструируются, а не «возрождаются» [Бобровников 2002: 286]. Во время чеченской войны некоторые шариатские суды были инсценированы как кровная месть, приговор (как правило, расстрел) осуществлял кровник. С другой стороны, сегодня муфтии приходят со старейшинами к кровникам для осуществления примирительных процедур. Все это еще раз подтверждает тезис о невозможности окончательно разделить адат и шариат. Эти выводы важны для понимания феномена конфликтов и специфики их регулирования в кавказских обществах.

Кровная месть и традиционные формы примирения. А.Н. Стоянов (1830—1907), считал кровную месть «эмбрионом права», т.е. именно существование традиции мстить кровью за кровь потребовало от обществ некоторых форм ее регулирования, иначе говоря, первых законов. Не будем здесь спорить с известным юристом, хотя поспорить и есть о чем; правда заключается в факте, что кровная месть является одним из наиболее древних и широко распространенных правил, существующих буквально повсеместно³. Кровная месть – в прошлом наиболее распространенный насильственный способ регулирования конфликтов на Кавказе. М.М.Ковалевский связывает институт кровной мести с культом предков, память о котором, однако, была вытеснена с приходом ислама на Кавказ [Ковалевский 2012: 355]. И, так или иначе, институт кровной мести существовал в доисламскую эпоху, являясь одним из наиболее действенных средств социальной регуляции и защиты личности или группы в обществах, где отсутствовала или слабо проявлялась государственная власть. Обычай спасал общество от анархии, произвола и хаоса, и, в известной степени сохранял в нем общественный порядок, социальную справедливость и равенство. Кровную месть, все-таки, следует рассматривать как форму регулирования насилия, необходимость в которой отпадает в сообществах, в которых присутствует эффективный аппарат закона и применения закона,

---

³ А наряду с гостеприимством и аталычеством — это один из наиболее «узнаваемых» обычаев кавказских народов.

способный контролировать насилие [Дудаев 2013: 165]. Институт кровной мести «был распространен у всех народов Северного Кавказа, но в наибольшей степени у чеченцев, ингушей и осетин. Причинами кровомщения, кроме убийства, были нарушение брачного обещания, похищение людей, супружеское прелюбодеяние, изнасилование и прелюбодеяние с замужней женщиной (прелюбодеи сажали в яму, привязав руки к ногам, после чего мужчины побивали камнями мужчин, а женщины – женщин), и осквернение домашнего очага. По нормам адата месть должна быть эквивалентной, но в действительности потерпевшая сторона (родственники убитого или оскорбленного) часто стремилась воздать сторицей, что вело к бесконечной цепи взаимных убийств, т.к. срока давности кровная месть не имеет» [Казиев, Карпеев 2003: 200].

В основе кровной мести лежит идея порядка, а не хаотичного насилия. Действовал ряд этических ограничений, так называемый «этикет кровников». «В Дагестане и у других народов адаты запрещали убийство кровника в мечети, в присутствии суда, начальства и на общественной сходке. В Аварии и Ункратле с лиц, совершивших убийство по неосторожности (случайно), детей и сумасшедших брался штраф» [Казиев, Карпеев 2003: 201]. Русский дореволюционный публицист Е.Л.Марков указывает в своей работе, что кровная месть — «это целая стройная и сложная система юридических понятий и обычаев своего рода, подчиненная строжайшим и подробнейшим правилам, что это закон для всех общий, для всех обязательный, который необходимо исполнить во всяком случае — хочет ли того человек или нет, кипят ли его страсти или он совершенно хладнокровен к гибели своего родного, выгодно ли ему возмездие или разорительно для него, как это большей частью бывает» [Марков 2011: 463]. Он пишет также, что «кровная месть кавказского горца далеко не есть одна страстная вспышка дикаря, а целая, веками выработанная система правосудия и порядка, в которой обязанности судьи, полиции, палача, за неимением на то государственных органов, выполняет поневоле сама обиженная сторона, притом под строгим наблюдением общественного мнения и по строго установленным правилам» [там же: 466].

Как замечают исследователи, кровную месть нужно отличать от смертной казни. При одинаковой форме норма о причинении смерти преступнику в качестве наказания может иметь разное содержание. Разница между смертной казнью и кровной местью состоит не только в формальном признаке – субъекте осуществления наказания (в первом случае – государство, во втором случае – семья погибшего). Отличие одного вида наказания от другого состоит, прежде всего, в различии идейного содержания, которое заложено в них. В случае кровной мести идейным содержанием является справедливость, понимаемая по принципу талиона, как «око за око, зуб за зуб», а в случае смертной казни — законность. Хотя, как уже упоминалось, принцип справедливости декларируется и в современном праве, однако на практике часто не сочетается с принципом законности [Калинина 2013: 64].

Кровная месть – явление, прежде всего, социальное. Его основу составляет основной принцип жизнедеятельности традиционных обществ – принцип коллективной ответственности семьи и общины за поведение и поступки каждого из его

членов. Этот обычай выступал одной из суровых, но необходимых форм социализации личности, этнокультурной и социальной идентификации индивида. Месть не является частным делом, в ней участвуют целые общины. «По большей части кровная мсть ставится на первое место среди всех их основных добродетелей, и невозможно отрицать, что мсть за другого — это чувство, прямо противоположное эгоизму» [Кавказ. Европейские дневники 2010: 297]. Таким образом, если адат кровомщения нарушен, мститель является уже преступником, а не исполнителем своего долга, и не общая хвала, а всеобщее презрение встречает его поступок.

Адаты кровной мести бесконечно разнообразны, но все они имеют более или менее общий характер. Адат не требует непременно смерти убийцы или оскорбителя членов рода. Он только назначает определенный срок, в продолжение которого убийца или оскорбитель должны обязательно покинуть селение, где живут родные обиженных ими, «выйти в канлы», как выражается дагестанский адат. *Канлы* должен скитаться изгнанником по возможности дальше от места своего преступления, скрывая каждый свой шаг, и каждый член оскорбленного рода может и должен убить его в течение срока, указанного адатом. Его поджидают на дороге, у порога сакли, на работах, и убийца не отвечает ни перед кем; смерть *канлы* от руки кровомстителя даже не вызывает кровной мести его родных; по выражению адата, тут «засчитывается кровь за кровь» [Марков 2011: 464].

Входя в *канлы*, человек обыкновенно изгоняется из родного села, зачастую вместе с семьей. Но после того, как проходит срок изгнания (обычно это год), он вправе через посредников попросить о примирении и, уплатив назначенный адатом денежный штраф (*дият*) в пользу рода, совершить торжественное примирение с ним по установленному порядку, в деталях различного в различных культурах, но во всех случаях предполагается внешнее покаяние вчерашнего убийцы перед семьей убитого им человека.

Также существует и *алым* — предварительная плата за убийство, до примирения. Примиренный *канлы* не только перестает быть врагом, но делается даже особенно близким человеком к семье пострадавшего и получает относительно его разные нравственные обязанности. Убить такого *канлы* теперь — это преступление в глазах горца [там же: 465]. «Не требует кровомщения по всем дагестанским адатам убийство вора, пойманного на месте преступления, нападающего грабителя, любовника, застигнутого с женой или близкой родственницей, непременно, однако, вместе с виновницей. Точно так же адат предписывает ближайшим родственникам убить отцеубийцу, мужеложника, убийцу *канлы* после примирения с ним и вообще преступников гнусного характера, не подвергаясь за это кровомщению» [там же: 466]. Детоубийство в XIX в. вовсе не подвергало виновного кровному мщению и за это взыскивается лишь денежный штраф.

Кровная мсть была распространена также и в Закавказье, в частности на территории Грузии. Законы властителей грузинского княжества Самцхе-Саатабаго Беки (1361-1391 гг.) и его внука Агбуги (1444-1451 гг.), вошедшие в историю как

законы Беки и Агбуга, узаконивали кровную месть. «Прославленными» хевсуры⁴ называли тех, которые мстили за кровь своего сородича. Убив кистинца (горцы восточной Грузии кистами называли вайнахов⁵), хевсур возвращался домой именитым, и им гордился весь род. Ему посвящали стихи и воспевали песни; его героическая история передавалась из поколения в поколение. Если хевсур не был «прославленным», его считали осрамленным, и женщины не желали выходить за него замуж. По мнению горцев, убитый кистинец⁶ становился слугой убитого хевсура в будущей жизни. Хевсур, как правило, отрезал правую руку кистинцу и, как доказательство своего геройства, прикреплял ее к стене своей башни. Именитый герой оценивался по количеству отрезанных вражеских рук⁷. Такой же обычай фиксирует и Ковалевский не только у хевсуров и тушинов, но и у горцев Дагестана [Ковалевский 2012: 355]. У обеих этнических групп существовали строго определенные моральные нормы, нарушение которых было постыдным; считалось постыдным мщение детям, женщинам и старикам, сражение с безоружным и т. д. В советский период, до депортации чеченцев и ингушей в Среднюю Азию, между грузинами и вайнахами кровная вражда имела сравнительно интенсивный характер. В 1970-х гг. правительство затеяло широкомасштабную кампанию борьбы против вредных традиций и пережитков, в том числе, кровной мести. Но старания правительства обернулись крахом. Этот институт, как и многие другие, оказался жизнеспособным, и традиция кровной мести в горских обществах Кавказа сохраняется до настоящего времени.

Совершая месть, человек сдерживал проявление необузданного животного начала по отношению к себе. Как справедливо заметил кавказовед Ф.И. Леонтович, «кровомщение есть единственная узда, которая в некоторой степени обуздывает... страсти удальца...». Кровная месть как правовое явление, возникшее в условиях отсутствия государства, когда родовой союз считался одновременно и кровным и хозяйственным и нравственным союзом, в защите каждого члена этого союза должен был участвовать весь род, а каждый представитель рода нес ответственность перед ним за свои поступки. В обществе, где отсутствовали иные механизмы сдерживания индивидуальной воли, надо было защищаться и, следовательно, отомстить, то есть отвести следующий удар, от которого могут пострадать другие, близкие ему люди. Первоначально содержание мести было достаточно примитивным: «око за око, смерть за смерть», но именно в этой простоте и конкретности мер противодействия и было заключено понимание принципов равенства и

---

⁴ Этнографическая группа грузин, проживающих на территории Хевсурети, на северо-востоке современной Грузии.

⁵ Термин, под которым сейчас понимают большую часть носителей нахских языков: чеченцев и ингушей.

⁶ Группа чеченцев, исторически проживающих в Панкисском ущелье в верховьях реки Алазани на северо-востоке Грузии.

⁷ Поэтическое переосмысление этих традиций см. в знаменитом фильме Тенгиза Абуладзе «Мольба» (1967), снятом по мотивам поэм выдающегося грузинского поэта Важа Пшавела (1861–1915) «Алуда Кетелаури» и «Гость и хозяин». — *Примеч. ред.*

справедливости. За некоторые преступления виновные считались врагами всего общества, и никакая месть уже не могла смыть его обиды, таковым, например, являлось убийство кровника после примирения. К этому разряду особо тяжких преступлений было отнесено также сожжение моста как важного для жизнедеятельности общества объекта, и прелюбодеяние с родственницей. Такие лица не получали защиту своего рода, и никто не осмеливался стать его поручителем и дать присягу. Обычно такие становились абреками, и были вынуждены скрываться в горах и ущельях, и каждый, кроме членов того дома, в который он приходил в качестве гостя, мог убить его. В таких случаях, наиболее близкие родственники сами должны были расправиться с ними – убить, изгнать и т.п. Если же род проявлял попустительство к подобным нарушениям морали, то насмешкам подвергался любой представитель данного рода.

Изменения института кровной мести в XX веке. По мере развития общества обычай последовательно подвергался трансформации, его формы изменялись, не особенно затрагивая суть, и особенно заметно эти процессы стали происходить в связи с принятием ислама. Обычай кровной мести у чеченцев существовал до принятия ислама, так же как он существовал в первоначальных установлениях других народов, но после принятия мусульманства появились присяги – «обвинительные» и «очистительные». В обществе, где господствовала мораль, а регулятором выступала всепроникающая совесть и глубокая вера в предписания ислама, и, принеся присягу, человек сам накладывал на себя тяжкое пожизненное наказание. Если же обвиняемый и его поручители ложно поклялись в своей невиновности, то они, по их глубокому убеждению, не только не освобождались от наказания за преступление, но возлагали на себя более жестокую кару. Считалось, что клятвопреступников можно было и не наказывать далее, так как они уже считались наказанными самим фактом лжеприсяги – уличенные в ложной присяге теряли всякое общественное уважение. Их слово более ничего не значило, их игнорировали, к их мнению никто не прислушивался. Что может быть хуже, даже и в нашем обществе постмодерна? Зачем нужен человек, если не важно его мнение?

В постсоветский период, когда регион потрясли войны и террористические атаки, обычай кровной мести превратился в акт расправы и самосуда, приобрел противоправный, антиобщественный характер. Если в период классической традиции за его осуществление несли ответственность и род убийцы и род потерпевшего, определялась мера наказания, то теперь этот обычай стал использоваться для сведения личных счетов, за которые члены рода не несли никакой ответственности. Его особо общественная опасность заключалась в том, что он перерос из способа урегулирования конфликтной ситуации во внутривнутриполитические конфликтные процессы. В целом полезный и консолидирующий в догосударственную эпоху, сегодня обычай кровной мести большинством исследователей рассматривается как вредный и дестабилизирующий.

Примирение и прекращение кровной мести

Несмотря на регламентированность, кровная месть часто выходила из-под

контроля и формировала «замкнутый круг насилия», поэтому совершенно необходимо рассмотреть процедуру примирения кровников. «Опустошительные последствия кровной мести привели к выработке ряда способов прекращения этого бедствия. Примирение кровников приобрело характер довольно сложных обрядов, в которых важны этикетные элементы» [Тишков 2014: 66]. Эти «элементы» очень важны в процедуре межкультурной медиации, или, как эту процедуру называют современные специалисты, — этномедиации [Гордийчук 2018: 6].

Разрешение конфликта обычно включает в себя два этапа – выбор процедуры, с помощью которой конфликтующие стороны могли бы прийти к взаимному согласию, и принятие решения в рамках этой процедуры. Сами процедуры некоторые авторы, в частности, французский юрист Н. Рулан, предлагают типологизировать в соответствии с наличием или отсутствием в нем насильственного компонента. Он выделяет три типа процедур: те, в которых существует система возмездия; те, в которых насилие запрещено и те, в которых насилие трансформировано в ритуальные обряды. Также Рулан предлагает выделять судебные и несудебные процедуры. В судебных процедурах решение судьи является обязательным к исполнению, в несудебных — судья отсутствует. Стороны либо напрямую ведут переговоры и приходят к компромиссу, либо, если конфликт зашел слишком далеко, привлекают третью сторону, посредника, который помогает решить конфликт. «Эффективность процедуры в последнем случае зависит, прежде всего, от авторитета посредника» [Рулан 1999: 161].

В описании обязанностей и процедуры суда посредников у горцев Кавказа (сванов) М. Ковалевский выделил следующие черты. Посредники-примирители (медиаторы) приносили клятву в том, что они отнесутся к делу, как к своему собственному. Эта клятва давалась в ответ на вопрошание родственника потерпевшего: «Клянетесь рассмотреть дело по справедливости, не отвлекаясь родством, не искажая смысла фактов, точь-в-точь, как если бы оно было вашим собственным? В случае же нарушения вами этой клятвы пусть род ваш будет несчастным до светопреставления и идет затем в ад». Затем выслушивалась присяга сторон уже в ответ на требование судей: «Мы заставляем вас принять присягу в том, что наше решение будет исполнено вами: если вы не подчинитесь ему и не выполните его в точности, пусть падет на вас ответственность за нарушение присяги, как за себя, так и за нас». Приговор посредников был окончательным и обжалованию или пересмотру не подлежал.

Ковалевский обратил также внимание на еще одну характерную особенность обычного права горцев — множественность культурных влияний, которые получили отражение в обычном праве. Он перечисляет восемь различных семейств религиозных и культурных влияний, среди которых упоминает древнеиранское влияние, греческие и римско-византийские влияния, «влияние христианства, канонического и Моисеева права», влияние арабов и принесенного ими шариата, а также — из наиболее поздних — русское влияние.

Мы рассмотрим традиционные формы примирения в случае кровной мести на нескольких конкретных примерах.

1) Осетины. Процедуру адатного решения споров в XIX в. у осетин описывали примерно следующим образом. Суд по адату у осетин происходит в несколько этапов. Потерпевший и обидчик, если они желают решить свой спор по адату, собирают своих родственников и садятся под открытым небом, каждый со своими родственниками, на таком расстоянии друг от друга, чтобы разговор между родственниками не был слышен противоположной стороне. Далее, для установления коммуникации и начала процесса примирения, выбираются посредники из посторонних почетных людей (количеством от одного до пяти человек, в зависимости от важности дела).

Когда посредством переговоров, ведущихся через посредников, обидчик ради примирения согласится заплатить обиженному то, что определит суд, а потерпевший — принять от обидчика плату за обиду, то приступают к выбору судей, число которых также должно быть определено предварительными переговорами и бывает различно, смотря по важности дела, но всегда так, что сторона потерпевшего имеет на одного судью больше, чем сторона обидчика, а, следовательно, всегда имеет перевес на суде.

Когда судьи избраны, каждая из сторон объявляет другой стороне через своих посредников, кто именно выбран в судьи, и когда обе стороны согласны принять выбранных противной стороной судей, то судьи сходятся вместе и приступают к определению той пени, которая должна быть взимаема с обидчика для удовлетворения обиженного. Если судьи не согласны в определении этой пени, то они выбирают из своей среды одного, всеми признанного справедливым человеком, и все остальные судьи делегируют ему право решать.

Когда таким образом определена пеня, судьи, не объявляя количества пени, объявляют только, что она ими уже определена, и требуют, чтобы обе стороны представили поручителя обидчика в том, что он действительно будет платить то, что уже определено судом, а потерпевший — в том, что он будет доволен определенной пеней и больше ничего требовать не будет, когда получит от обидчика то, что определено судом (при этом ни обидчик, ни потерпевший еще не знают, какую сумму присудил суд). Поручители выбираются таким образом, что родственники обиженного назначают одного из родственников обидчика в поручители со стороны обидчика, и наоборот, родственники обидчика — одного из родственников обиженного в поручители со стороны обиженного.

Дело поручителя состоит в том, чтобы заставить своего родственника выполнить предписания суда. Обидчик должен заплатить поручителям обеих сторон плату. В случаях смертоубийства он давал каждому из них по одной корове, в менее важных делах — монету или две. Поручители обещают при свидетелях заставить своего родственника непременно выполнить решение суда. Свидетели, в которые с каждой стороны выбирается один, обязаны напомнить поручителю, что если он не заставит своего родственника выполнить определенные судом условия, то он будет объявлен бесчестным человеком и не может нигде более показываться. Каждая сторона платит своему свидетелю несколько монет за эту услугу. После того, как поручители давали обещание, судьи, все еще не объявляя, сколько обид-

чик должен заплатить обиженному, приказывают ему отдать тотчас определенное количество коров или лошадей, которые тут же передаются обиженному.

Через некоторое время опять приказывают обидчику дать обиженному несколько коров и так поступают до тех пор, пока уже малость только остается обидчику заплатить обиженному. Тогда судьи приказывают, чтобы обидчик дал угощение обиженному, всем его родственникам и всем участвующим при суде. При этом угощении судьи объявляют, сколько обидчик еще должен окончательно заплатить обиженному; но обыкновенно обиженный при этом случае дарит обидчику эту окончательную плату и прощает ему обиду. Когда обиженный во время угощения не дарит обидчику оставшуюся плату и последний не может заплатить ему все, то в следующем году он уже заплатит с процентами. Если обидчик беден, то плата может продолжаться несколько десятков лет и переходить от отца к сыну и от брата к брату» [Кавказ: Адаты 2010: 185].

В обычае примирения кровников у осетин ключевую роль играли старейшины. Именно они выполняли роль судей и, в некоторой степени, медиаторов. Народные суды проходили в строго определенных селениях. Во время народного собрания на поляне сторона виновника просила прощения у пострадавшей стороны и просила старейшин, чтобы их помирили. Каждая из сторон обещает, что будет выполнять все, что постановит суд, и далее выносилось решение о примирении кровников. После примирения виновная сторона устраивала потерпевшей стороне торжественный обед (так называемый «стол крови»), а также выплачивала определенную материальную компенсацию.

2) Чеченцы и ингуши. У чеченцев примирение было обставлено во многом так же, как и у осетин, хотя были и незначительные различия (например, у чеченцев поручители не получали плату от обидчика за выполнение своих функций). Хотя отношение к самому примирению у разных народов Кавказа было различное. О том, как можно было избежать кровной мести, подробно описал Б. Далгат: «Кровь родственника должна быть непременно отмщена. Никакие молитвы, подарки, посредничество почетных людей — ничто не может принудить чеченца (ингуша) отказаться отомстить убийце его родственника; долг религиозный стоит в его глазах выше всего, убийца должен погибнуть от руки родственника убитого. Единственным средством избавиться от мести являются приобщение убийцы к культу семьи убитого. Убийца тайком пробирается к матери убитого и с ее согласия или при помощи насилия прикладывает губами к ее груди. После этого он становится молочным братом убитого, т.е. роднится с ним, и таким образом избавляется от мести как член того же рода» [Далгат 2004: 104]. Избежать кровной мести можно было еще одним способом: любой убийца, забежав в чужой дом, мог схватиться за надочажную цепь. После этого он становился родственником хозяина дома, и хозяин должен был разделить с ним участь убийцы. Такая семья принимала на себя бремя кровной мести, и с тех пор уже обе семьи преследовали кровники [там же].

Для сторон, желающих примириться, существовала фиксированная сумма, необходимая для уплаты. Чеченцы в большинстве своем отвергали примирение

посредством выплаты «цены крови», так как считали это позором, «торговлей кровью убитого». Вопрос об убийстве, однако, был у них не частным делом близких родственников убитого, месть же не равнялась стихийному умерщвлению виновного. В случае убийства собирался совет старейшин тейпа, который разбирал ситуацию, рассматривал обстоятельства совершенного преступления, степень умышленности покушения на жизнь и, по итогам, принимал решение о мести, также обсуждался и способ примирения; в том случае, если убитой была женщина, добиться прощения было невозможно.

Первые действия всегда были направлены на прощение для тех родственников убийцы, которые никак не способствовали и не были виновны в убийстве, и только затем уже поднимался вопрос о примирении. Если стороны не могли прийти к соглашению, то в качестве посредников привлекали представителей нейтральных тейпов. Таким образом, собирался совет племени и обсуждал условия примирения. После прощения родственников убийцы приступают к решению вопроса о прощении самого кровника. Ритуал прощения кровника заключался в шествии процессии, состоящей из родственников виновного, к дому потерпевшего. У дома они снимали шапки и падали на колени. О прощении просили самые выдающиеся ораторы. Процессия несет на погребальных носилках кровника, завернутого в саван, что символизирует глубокое раскаяние. При прощении близкий родственник убитого сбрасывает ему волосы и бороду.

В случае отказа примириться пострадавшая сторона выбирала, кого она намерена убить. Как правило, выбирали убийцу. Против такого выбора тейп убийцы не имел права возражать. Убийством этого виновника или изгнанием его вместе со всей его семьей из селения обычно заканчивалась кровная месть.

В современной Чеченской республике обряд примирения несколько упрощен по сравнению с древностью. Инициаторами обычно выступают кадии (исламские судьи). Они выявляют наличие в районах семей, состоящих в кровной вражде, затем информация передается в специальную примирительную комиссию, которая выделяет посредников для ведения переговоров между семьями о примирении. В населенный пункт, где проживает семья убитого, прибывают сотни родственников виновного в убийстве человека во главе со старейшинами рода. К дому кровников они идут пешком, призывая их простить убийцу. Самого кровника, одетого либо в саван или длинную рубашку с капюшоном, закрывающим лицо, также приводят к дому пострадавшей семьи, где их ждут все мужчины из тейпа убитого во главе со старейшинами.

После примирения близкий родственник убитого бреет убийце голову (в старину это было очевидным доказательством того, что кровник не будет мстить, поскольку голову брили острым кинжалом и никто не смог бы помешать ему убить своего врага немедленно). В некоторых случаях кровник остается ночевать в доме убитого им человека. В последующем обе стороны обязаны поддерживать нормальные отношения, убийство же прощенного кровника после примирения становится предметом для новой вражды [Тишков 2014: 70].

В некоторых случаях примирение сложно, а иногда даже невозможно. Г. Ан-

чабадзе пишет по этому поводу: «По чеченскому обычаю в ссоре кинжал следует держать только прямым хватом и наносить им рубящие удары. Колющие удары, гораздо более опасные для жизни, запрещены. Смерть человека от колющего удара расценивается как умышленное убийство и в этом случае род убийцы не может рассчитывать на примирение: начинается кровная месть» [Анчабадзе 2001].

Что касается Ингушетии, то М.С.-Г. Албогачиева описывает примирение кровников в Ингушетии так: «По П.Г. Буткову, “убийца, желающий примириться с родственниками убиенного для избежание мщения, приходит к беголу, просит его о примирении, доколе же собрание не решит его дело, находится безотлучно в доме бегота, коего жилище мстителем неприступно. То же самое, ежели убийца был в побеге за пределами Отечества, прибежит в дом к беголу, может в оном быть от всех поисков безопасен до народного решения”» [Албогачиева 2011: 79]. Некоторые ингуши идут на примирение с родом убийцы «ради Бога и пророка Магомета». Это явление чаще было распространено в семьях, отличавшихся религиозностью и готовых на подобный поступок ради Аллаха. Такого рода примирение считалось самым богоугодным из всех способов примирения, независимо от того, кто, когда и как совершил убийство.

Все уплаченное в знак примирения с кровниками считалось «похоронной» платой. По Ф.И. Леонтовичу, «за всякое же убийство, как нечаянное, так и намеренное, убийца в Галгаевском обществе (в Назрановском и Горском участках) платит 12 “похоронных” коров (хелюм), в Карабулакском — 3 коровы (*агер мерчи*, т.е. «жертву на саван») и преследуется кровной мстью, распространяемой на его родных братьев, дядей и племянников по мужской линии. Означенную степень родства обычай принимает и в делах по денежным обязательствам». [Леонтович 1883: 150].

Сходом представителей ингушского народа в 1907 г. было принято решение искоренить существующий обычай кровной мести. «Кровная вражда, причиняя неисчислимыя бедствия населению, влечет к самоуничтожению как физическому, так и нравственному». Общество постановило прекратить навсегда обычай кровной мести как противоречащий учению Корана и всем кровникам из ингушей совершить между собой примирение до 1 июля 1907 г. [Терские ведомости 1907].

3) Народы Дагестана. При согласии пострадавшей стороны на примирение и по истечении определённого времени в заранее установленный день родственники убийцы вместе с кровником собирались в условленном месте и двигались к дому убитого, где их ожидали. Процессию возглавляли старейшины аула и представители духовенства. В неё входили почитаемые люди села, родственники канлы, сам канла шёл позади всех. Как правило, перед собравшимися выступал представитель духовенства, ссылаясь на исламские заповеди и положительный исход подобных случаев в прошлом. У одного из горских народов — хваршин — было принято, что родственницы убийцы ползли к месту примирения на коленях, замыкая шествие. При этом они били себя в грудь, монотонно произнося с плачем молитвы, а перед ними полз на коленях сам убийца с непокрытой головой. Моральная компенсация в виде унижений и оскорблений часто была важнее, чем

материальная. Как правило, родственник убитого после соблюдения обряда извинений и унижений брал нож, срезал прядь волос с головы канлы и поднимал его с колен, что и означало прощение. Примирившийся убийца считался кровным братом, то есть заменял собой убитого им в этом семействе.

Маслаат — арабское слово, означающее «общее благо», «выгода, в интересах сторон», под этим именем у народов Дагестана известен третейский суд. Особенностью маслаата является то, что совершали его независимые судьи, что исключало предвзятость решений. Они избирались из посторонних почетных лиц пожилого возраста. О роли *маслаата* в системе обычного права народов Дагестана есть разные точки зрения, так Ф.И.Леонтович характеризует маслаат как первичную стадию в процессе образования адатов. [Леонтович 1883: 12]. Е.Л. Марков так описывает примирение в Дагестане: «Чтобы не подвергаться кровомщению со стороны родственников убитого, родственники убийцы должны как можно скорее устроить обряд примирения — бет-гермек... Собравшись все вместе, вооружённые, на одном дворе, родственники убийцы должны послать установленную адатом пеню родственникам убитого, которые точно так же собираются в это время в другом дворе... Почетные старики аула служат посредниками; они сводят вместе обе толпы, и по прочтении муллой главы Корана вражда считается конченной; родственники убитого получают при этом быка; с этих пор кровомщению подвергается только сам убийца» [Марков 2011: 465].

«Почетные старики аула одевают убийцу, уплатившего дият, в белый саван и опоясывают его пташкой... В таком виде приводят его к родным убитого, словно жертву на заклание. Он как бы сам приносит им оружие, которым они вправе поразить его, и одежды мертвеца, в которых ему следовало бы быть. Ввиду такой покорности родные убитого высылают одного из своих снять опалу с осужденного. Он снимает с него шашку, папаху, саван и гладит его по голове; затем мулла прочитывает первую главу Корана, и семейная вражда забывается навсегда... Примирившийся убийца из «канлы», «кровного врага» с тех пор обращается в «кан-кардаш», «кровного брата» семьи. Он заменяет ей убитого, посещает его могилу, оказывает его родным всякую помощь и защиту. У кумыков обряд примирения происходит с более унижительной церемонией. Прощенный канлы приглашает на торжественный пир всех родственников убитого. При приближении каждого гостя, он с обнаженной головой падает на землю и лежит ниц, пока входящий не скажет ему: «Встань! Мы простили тебя!» Присутствующие поднимают его, но он все время стоит без папахи и пьет из общей чаши с родными убитого. У ворот между тем ставят коня, оседланного и обвешанного оружием. Это последняя расплата за кровь. Ближайший родственник, выходя с пирушки, берет себе коня, а оружие раздает остальным родственникам» [Ковалевский 2012: 357; Марков 2011: 466].

В.А. Тишков отмечает, что «на Западном Кавказе и в Дагестане кровная месть уже в XIX в. была нечастым явлением. Мщение здесь все больше заменялось материальным возмещением за кровь, что нередко воспринималось как деяние, более отвечающее нормам шариата. Примирение совершали почетные старики по определенному ритуалу, с уплатой виновной стороной «цены крови» (у ингушей

она достигала 130 коров и более, собираемых широким кругом родственников) и устройством так называемого «кровного стола» — угощения для большого числа людей» [Тишков 2014: 67].

Отдельно стоит сказать о миротворческой роли женщин в регулировании конфликтов на Кавказе. Женщина могла остановить схватку, бросив свой головной платок между сражающимися мужчинами. Во время кровной вражды между родовыми кланами представительница одной из противостоящих сторон могла положить конец кровопролитию, дав грудь ребенку из враждебного клана. Иногда это происходило по обоюдному согласию враждующих сторон, но могло также произойти и вопреки желанию противостоящей стороны. В обоих случаях враги после этого обязаны были примириться, чтобы, как говорилось, «не смешивать кровь с молоком», т.е. не осквернять установившееся молочное родство [Традиция разрешения конфликтов 2001].

Есть описание легендарного случая, когда на Западном Кавказе примирения между убыхами и абхазами удалось добиться только после того, как 500 молодых абхазок с грудными детьми и 500 убыхских матерей, также с грудными детьми были поставлены напротив друг друга с младенцами в руках, а затем обменялись младенцами⁸. Потом женщин с детьми сразу развезли в родные аулы. Сделано это было для того, чтобы в дальнейшем абхазы и убыхи, зная, что с той и с другой стороны родная кровь, перестали мстить и совершать набеги. По случаю примирения были устроены пир, джигитовка, скачки, стрельба по мишеням и другие игры.

Ю. Аргун приводит интересную историю: «У турецких абхазов летом 1999 года в селе Низит мною записан интересный сюжет, в котором мудрая женщина в споре враждующих сторон сыграла решающую роль. В одном селе разразилась острая вражда. С целью примирения враждующих пригласили медиаторов. Стали разбираться. Проходит день, второй, третий, однако без результатов. Тогда один из сторонних наблюдателей подошел к старейшинам и судьям и предложил пригласить женщину. Медиаторы согласились. Приглашенная женщина, выяснив, в чем суть дела, предложила вывести из состава суда двоих с одной и двоих с другой стороны, поскольку была убеждена, что с их участием примирение враждующих невозможно. Судьи согласились с женщиной, из состава суда были выведены указанные лица и вместо них приглашены другие. Дело было рассмотрено заново и примирение враждующих состоялось. Село, где разбиралось дело, было названо именем этой мудрой женщины» [Традиция разрешения конфликтов 2001].

4) Черкесы и абхазы. У черкесов широко применялся обычай *барамты*. К нему обращались в тех случаях, когда личность преступника не установлена, но имеются улики о его принадлежности к той или иной фамилии, деревне, даже народности, т.е. когда отсутствовал ответчик. В подобных казусах пострадавшая

---

⁸ Б.К. Далгат писал, что «аталычество, или обычай отдавать ребенка своего на воспитание в чужой род, вдали от родины, столь часто практиковавшийся у черкесского племени, кабардинцев, пограничных с ними осетин и кумыков, последнее время заимствован плоскостными ингушами. Они теперь посылают своих детей на воспитание к соседним народам» [Далгат 2004: 52].

сторона захватывала имущество одного из подозреваемых, и при этом стремились получить значительно больше стоимости потери. Имущество, захваченное в качестве *барамты*, подсчитывалось при понятых и сохранялось в неприкосновенности до разрешения конфликта. Лицо, у которого взята *барамта*, должно было выступить посредником между истцом или его покровителем и настоящим ответчиком, иначе он лишался права на свое имущество, причем считалось зазорным как выдать преступника из страха потерять свое добро, так и скрываться от пострадавшего, чье имущество взято в залог. Виновник должен был либо возместить понесенный из-за его поступка ущерб, либо удовлетворить через такого невольного посредника претензии истца. Обычай широко практиковался черкесами как один из способов внесудебного или предваряющего судебное разбирательство метода разрешения крупных конфликтов [Традиция разрешения конфликтов 2001].

Обычай *барамты* был распространен по всему Северному Кавказу и известен под именем «барамта-ишкил». *Ишкил* был одной из самых архаичных — наряду с кровной мстью — правовых норм, которая прочно утвердилась в адате, и против которой шариат вел борьбу. Под *ишкилом* понимался всякий захват имущества для понуждения ответчика к удовлетворению имущественных претензий или исполнению другого рода обязательств, не обязательно связанных с кровомщением [Агларов 1988: 159].

Существовал способ примирения кровников, заключавшийся в том, что в сыновья к семье убитого отдавали мальчика или девочку в качестве невесты, и подобные случаи зафиксированы даже в Советское время, впрочем, они характерны для всех, вероятно, обществ. Обычай отдавать ребенка на воспитание в семью «кровника» (аталычество) тоже зачастую использовался как важнейший механизм в урегулировании конфликтов. Чтобы окончательно примирить два семейства, нужно было, чтобы в семье убийцы воспитали ребенка из семьи убиенного⁹.

Автор первой писаной «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмов утверждает: «виновный мог прекратить родовое кровомщение, украв сам или при содействии другого лица из семьи обиженного дитя мужского пола, воспитав его со всем рачением, как сына, и потом, наградив его лошадью, оружием и одеждой, доставить с большой церемонией обратно». В таком случае мальчика называли *тлечезипкан*, т.е. «за кровь воспитанный». «Воспитание за кровь» позволяло примириться как фамилиям кровников, так и враждующим черкесским группам. Отныне между враждующими семьями устанавливалось не просто примирение, но и узы искусственного родства, которое по обычному праву считается более священным, чем кровное родство [Ногмов 1994].

Подобный обычай имел хождение и у абхазов. Т.Ачугба пишет: «В старину в Абхазии для прекращения кровной мести обращались к обычаю искусственного родства — *азнадара*. Если это не приносило успеха, то убийца, воспользовавшись законами гостеприимства, зная, что хозяин не навредит гостю, мог ворваться в дом потерпевшей фамилии и насильно коснуться губами груди замужней женщины —

---

⁹ Воспитание заложников хорошо проиллюстрировано в телесериале «Игра Престолов».

матери, сестры или жены убитого. Или же мать, либо сестра, либо жена убийцы, проникнув в дом убитого, хватала первого попавшегося ребенка и прикладывала к груди, т.е. делала вид, что кормит его грудью. Таким путем враги заключали родственные союзы.

Следует отметить, что внутри единой родственной группы кровная месть не допускалась» [Ачугба 2001]. Вернейшим средством к примирению у кабардинцев была ситуация, когда обидчик крал из дома обиженного младенца и брал его к себе на воспитание до совершеннолетия. При возвращении сына родителям все обиды предавались забвению взаимной присягой [Броневский 2004: 168].

Заключение

Как мы видим, обряд примирения на Северном Кавказе — сложный и долгий, который может длиться годами, однако структура обряда примирения у многих народов схожа. Попробуем выделить несколько типологических параллелей.

1). Во-первых, везде подчеркивается, что процедура примирения является добровольной: она начинается только после того, как враждующие стороны — через посредника — дали друг другу понять, что готовы разрешить свой спор мирным путем.

2). Во-вторых, всегда задействуется большое количество действующих лиц (старейшины, родственники, кунаки) в разных ролях (судья, посредник, поручитель). Везде есть процедура выбора независимых посредников самими сторонами. Велика роль старших, но иногда не они могут быть посредниками.

3). В-третьих, существует институт «платы за кровь». Виновник должен уплатить штраф деньгами или скотом (*дият, алым*), преподнести всем родственникам потерпевшей стороны подарки, накрыть стол. Размер компенсации устанавливаются избранные или назначенные судьи.

4). В-четвертых, везде важно реальное или фиктивное родство. Установлением фиктивного (в значении сконструированного) родства в большинстве случаев заканчивается обряд примирения.

В настоящее время упрощение обряда примирения в деталях при сохранении общей концепции — очевидная тенденция. Некоторые процедуры, связанные с регулированием конфликтов, исчезли (например, *барамта-ишкил*), но те, в которых участвует авторитетный посредник, сохранились, доказав, видимо, свою эффективность. Еще одна современная тенденция — «огосударствление» процедуры и увеличение роли религии в противовес адатам.

Мы полагаем, что первые три тенденции вполне сочетаются с особенностями медиативных процедур — это и добровольность участников, и право выбора медиатора, и возможность перевода дискуссии из эмоциональной в материальную сферу, ведь при разумном подходе всему можно найти цену, другое дело — 2цкак? Об этом мы расскажем в следующей, заключительной статье. Там мы используем наши полевые исследования и сравним существующие сегодня практики примирения в кавказских диаспорах с методами, принятыми в медиации.

Литература

Агларов 1988 — *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М.: Наука, 1988. 243 с.

Албогачиева, Бабич 2010 — *Албогачиева М.С.-Г., Бабич И.Л.* Кровная месть в современной Ингушетии // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 3-22.

Албогачиева 2011 — *Албогачиева М. С.-Г.* Этнография и история Ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX в. СПб.: Наука, 2011. 180 с.

Анчабадзе 2001 — *Анчабадзе Г.* Культура общения с противником во время войн и вооруженных столкновений на Кавказе (традиции и современность) // *Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. Материалы научно-практической конференции «Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе»*. 31 мая - 2 июня 2001 г., Цахкадзор (Армения). [Электронный ресурс.] — Доступно по адресу: http://www.krotov.info/lib_sec/11_k/kon/flict_00.htm.

Ачугба 2001 — *Ачугба Т.* Некоторые традиционные нормы поведения абхазов во время войны и вооруженных столкновений // *Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. Материалы научно-практической конференции «Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе»*. 31 мая – 2 июня 2001 г., Цахкадзор (Армения). С.63–69.

Бгажноков 2002 — *Бгажноков Б.Х.* Старшинство в социальной организации адыгских народов // *Этнографическое обозрение*. 2002. № 4, с. 14-24.

Бобровников 2002 — *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие : Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Вост. лит., 2002. 386 с.

Бобровников 2001 — *Бобровников В.О.* Шариатские суды и правовой плюрализм в советском Дагестане // *Этнографическое обозрение*. 2001. №3. С. 77-91.

Броневский 2004 — *Броневский С.М.* Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 т.: т. 1, т. 2 / подг. текста, предисл., примеч., словарь малоупотр. слов, указ. И.К. Павловой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 464 с.

Далгат 2004 — *Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев и ингушей / послесл. А.О. Булатова; отв. ред. С.А. Арутюнов. М.: Наука, 2004. 240 с.

Дарендорф 1994 — *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // *Социологические исследования*. 1994. № 5. С. 142–147.

Гордийчук 2018 — *Гордийчук Н.В.* Граница империи: Этнополитика и миграционные процессы в Закавказье в XIX в. М: Изд-во МБА, 2018. 132 с.

Дудаев 2013 — *Дудаев И.И.* Кровная месть и ее место в генезисе смертной казни // *Армия и общество*. 2013. № 1. С. 165-169.

Ильясов 2006 — *Ильясов Л.* Чеченская республика и чеченцы: История и современность / Матер. Всерос. науч. конф. Москва, 19-20 апреля 2005. М.: Наука, 2006. С. 176-185.

Кавказ: Адаты 2010 — Кавказ: Адаты горских народов. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Вып. IV. 384 с.

Кавказ: Европейские дневники 2010 — Кавказ: Европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. Аталиков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 304 с.

Казиев, Карпеев 2003 — *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М., 2003. 236 с.

Калинина 2013 — *Калинина Е.Ю.* Кровная месть и смертная казнь: эволюция принципа справедливости в праве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 2 (78). С. 62-69.

Ковалевский 1890 — *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. I-II. М., 1890. 624 с.

Ковалевский 2012 — *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М.: Кучково поле, 2012. 432 с.

Косвен 1961 — *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Вост. лит., 1961. 246 с.

Леонтович 1883 — *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып.1-2. Одесса, 1883. 447 с.

Магомедсалихов 2008 — *Магомедсалихов Х.Г.* Маслаат — самобытная форма разрешения конфликтов // Вопросы истории, № 6. 2008. С. 137–142.

Манкиева 2006 — *Манкиева Х.М.* Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа: автореф. дисс. канд. филос. н. Ростов н/Д : [б. и.] 2006. 23 с.

Марков 2011 — *Марков Е.Л.* Кавказ: Музей мировой истории (Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории) / Вып. 9. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 496 с.

Нанаева, Умаров 2011 — *Нанаева Б.Б., Умаров У.М.* Кровная месть как институт социально-правового регулирования родовых отношений // Теория и практика общественного развития. 2011. №7. С. 43-46.

Ногмов 1994 — *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / вступит. ст. и подгот. текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 1994. 231 с.

Рулан 1999 — *Рулан Н.* Юридическая антропология. Учебник для вузов / пер. с франц. / отв. ред. член-корр. РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянц. М.: Норма, 1999. 310 с.

Стародубровская, Соколов 2013 — *Стародубровская И.В., Соколов Д.В.* Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М.: «Дело» РАНХиГС, 2013. 280 с.

Терские Ведомости 1907 — Ингушские народные приговоры // Терские Ведомости. 1907. № 97.

Тишков 2003 — *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Тишков 2013 — *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

Тишков, Шабаетов 2011 — *Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 376 с.

Традиция разрешения конфликтов 2001 — Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества / Материалы научно-практической конференции «Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе». 31 мая — 2 июня 2001 г., Цахкадзор (Армения). 268 с.

Цуциев 2006 — *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

Чабиева 2011 — *Чабиева Т.С.* Некоторые особенности соотношения понятий «тейп» и «вирд» в ингушском обществе // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 5–6. С. 200–205.

Этноэтикет 2014 — Этноэтикет народов Северного Кавказа. Научно-учебное пособие / под ред. акад. В.А. Тишкова. Москва — Пятигорск: ИЭА РАН, 2014. 114 с.

Шамликашвили 2013 — *Шамликашвили Ц.А.* Основы медиации как процедуры урегулирования споров. М: МЦУПК, 2013. 128 с.

Schneider 1968 — *Schneider D.M.* American Kinship: a Cultural Account. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968. 148 p.

Schneider 1984 — *Schneider D.* A Critique of the Study of Kinship. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984. 208 p.

Woodburn 1982 — *Woodburn J.* Egalitarian Societies // Man. New Series. 1982. Vol. 17. No. 3. P. 431-451.

References

Aglarov 1988 — Aglarov M.A. Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII — nachale XIX v. Moscow: Nauka, 1988. 243 p.

Albogachieva, Babich 2010 — Albogachieva M.S.-G., Babich I.L. Krovnyaya mest' v sovremennoi Ingushetii // Etnograficheskoe obozrenie. 2010.No. 6. P. 3-22.

Albogachieva 2011 — Albogachieva M. S.-G. Etnografiya i istoriya Ingushskogo naroda v pis'mennykh istochnikakh kontsa XVIII — pervoi treti XX v. Saint Petersburg: Nauka, 2011. 180 p.

Anchabadze 2001 — *Anchabadze G.* Kul'tura obshcheniya s protivnikom vo vremya voyn i vooruzhennykh stolkovenii na Kavkaze (traditsii i sovremennost') // Traditsiya razresheniya konfliktov na Kavkaze i metody institutov grazhdanskogo obshchestva. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii "Traditsii narodnoi diplomatii i normy povedeniya vo vremya voyny i konfliktov na Kavkaze". 31 may – 2 june 2001, Tsakhkadzor (Armeniya). [Elektronnyi resurs.] — Dostupno po adresu: http://www.krotov.info/lib_sec/11_k/kon/flict_oo.htm.

Achugba 2001 — *Achugba T.* Nekotorye traditsionnye normy povedeniya abkhazov vo vremya voyny i vooruzhennykh stolkovenii // Traditsiya razresheniya konfliktov na Kavkaze i metody institutov grazhdanskogo obshchestva. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii "Traditsii narodnoi diplomatii i normy povedeniya vo vremya voyny i konfliktov na Kavkaze". 31 may – 2 june 2001., Tsakhkadzor (Armeniya). P.63–69.

Bgazhnokov 2002 — *Bgazhnokov B.Kh.* Starshinstvo v sotsial'noi organizatsii adygsikh narodov // Etnograficheskoe obozrenie. 2002. No. 4. P. 14-24.

Bobrovnikov 2002 — *Bobrovnikov V.O.* Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychai, pravo, nasilie: Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana. Moscow: Vost. lit., 2002. 386 p.

Bobrovnikov 2001 — *Bobrovnikov V.O.* Shariatskie sudy i pravovoi plyuralizm v sovetskom Dagestane // Etnograficheskoe obozrenie. 2001. No. 3. P. 77-91.

Bronevskii 2004 — *Bronevskii S.M.* Noveishiya Izvestiya o Kavkaze, sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim: V 2 t.: t. 1, t. 2 / podg. teksta, predisl., primech., slovar' maloupotr. slov, ukaz. I.K. Pavlovoi. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 464 p.

Dalgat 2004 — *Dalgat B.* Pervobytnaya religiya chechentsev i ingushei / poslesl. A.O. Bulatova; otv. red. S.A. Arutyunov. Moscow: Nauka, 2004. 240 p.

Darendorf 1994 — Darendorf R. Elementy teorii sotsial'nogo konflikta // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1994. No. 5. P. 142–147.

Gordiichuk 2018 — *Gordiichuk N.V.* Granitsa imperii: Etnopolitika i migratsionnye protsessy v Zakavkaz'e v XIX v. Moscow: Izd-vo MBA, 2018. 132 p.

Dudaev 2013 — *Dudaev I.I.* Krovnaya mest' i ee mesto v genezise smertnoi kazni // Armiya i obshchestvo. 2013. No. 1. P. 165-169.

Il'yasov 2006 — *Il'yasov L.* Chechenskaya respublika i chechentsy: Istoriya i sovremennost' / Mater. Vseros. nauch. konf. Moskva, 19-20 aprelya 2005. Moscow: Nauka, 2006. P. 176-185.

Kavkaz: Adaty 2010 — Kavkaz: Adaty gorskikh narodov. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2010. Vyp. IV. 384 p.

Kavkaz: Evropeiskie dnevniki 2010 — Kavkaz: Evropeiskie dnevniki XIII–XVIII vekov / sost. V. Atalikov. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2010. 304 p.

Kaziev, Karpeev 2003 — *Kaziev Sh.M., Karpeev I.V.* Povsednevnyaya zhizn' gortsev Severnogo Kavkaza v XIX v. Moscow, 2003. 236 p.

Kalinina 2013 — *Kalinina E.Yu.* Krovnaya mest' i smertnaya kazn': evolyutsiya printsipa

- spravedlivosti v prave // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2013. No. 2 (78). P. 62-69.
- Kovalevskii 1890 — *Kovalevskii M.M.* Zakon i obychai na Kavkaze. T. I-II. Moscow, 1890. 624 p.
- Kovalevskii 2012 — *Kovalevskii M.M.* Zakon i obychai na Kavkaze. Moscow: Kuchkovo pole, 2012. 432 p.
- Kosven 1961 — *Kosven M.O.* Etnografiya i istoriya Kavkaza. Issledovaniya i materialy. Moscow: Vost. lit., 1961. 246 p.
- Leontovich 1883 — *Leontovich F.I.* Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp.1-2. Odessa, 1883. 447 p.
- Magomedsalikhov 2008 — *Magomedsalikhov Kh.G.* Maslaat — samobytnaya forma razresheniya konfliktov // Voprosy istorii, No. 6. 2008. P. 137–142.
- Mankieva 2006 — *Mankieva Kh.M.* Genезis pravovoi kul'tury narodov Severnogo Kavkaza: avtoref. diss. kand. filos. n. Rostov n/D : [b. i.] 2006. 23 p.
- Markov 2011 — *Markov E.L.* Kavkaz: Muzei mirovoi istorii (Ocherki Kavkaza. Kartiny kavkazskoi zhizni, prirody i istorii) / Vyp. 9. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2011. 496 p.
- Nanaeva, Umarov 2011 — *Nanaeva B.B., Umarov U.M.* Krovnaya mest' kak institut sotsial'no-pravovogo regulirovaniya rodovykh otnoshenii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2011. No. 7. P. 43-46.
- Nogmov 1994 — *Nogmov Sh.B.* Istoriya adykheiskogo naroda, sostavlenneya po predaniyam kabardintsev / vstupit. st. i podgot. teksta T.Kh, Kumyкова. Nal'chik: El'brus, 1994. 231 p.
- Rulan 1999 — *Rulan N.* Yuridicheskaya antropologiya. Uchebnik dlya vuzov / per. s frants. / otv. red. chlen-korr. RAN, d.yu.n., prof. V.S. Nersesyants. Moscow: Norma, 1999. 310 p.
- Starodubrovskaya, Sokolov 2013 — *Starodubrovskaya I.V., Sokolov D.V.* Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze. Moscow: "Delo" RANKhiGS, 2013. 280 p.
- Terskie Vedomosti 1907 — Ingushskie narodnye prigovory // Terskie Vedomosti. 1907. No. 97.
- Tishkov 2003 — *Tishkov V.A.* Rekvem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii. Moscow: Nauka, 2003. 544 p.
- Tishkov 2013 — *Tishkov V.A.* Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya. Moscow: Nauka, 2013. 649 p.
- Tishkov, Shabaev 2011 — *Tishkov V.A., Shabaev Yu.P.* Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti: Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2011. 376 p.
- Traditsiya razresheniya konfliktov 2001 — Traditsiya razresheniya konfliktov na Kavkaze i metody institutov grazhdanskogo obshchestva / Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii "Traditsii narodnoi diplomatii i normy povedeniya vo vremena voyny i konfliktov na Kavkaze". 31 may – 2 june 2001, Tsakhkadzor (Armeniya). 268 p.

Tsutsiev 2006 — *Tsutsiev A.* Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774-2004). Moscow: Evropa, 2006. 128 p.

Chabieva 2011 — *Chabieva T.S.* Nekotorye osobennosti sootnosheniya ponyatii «teip» i «vird» v ingushskom obshchestve // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2011. T. 17. No. 5–6. P. 200–205.

Etnoetiket 2014 — Etnoetiket narodov Severnogo Kavkaza. Nauchno-uchebnoe posobie / pod red. akad. V.A. Tishkova. Moskva – Pyatigorsk: IEA RAN, 2014. 114 p.

Shamlikashvili 2013 — *Shamlikashvili Ts.A.* Osnovy mediatsii kak protsedury uregulirovaniya sporov. Moscow: MTsUPK, 2013. 128 p.

Schneider 1968 — *Schneider D.M.* American Kinship: a Cultural Account. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968. 148 p.

Schneider 1984 — *Schneider D.* A Critique of the Study of Kinship. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984. 208 p.

Woodburn 1982 — *Woodburn J.* Egalitarian Societies // Man. New Series. 1982. Vol. 17. No. 3. P. 431-451.